

Глава первая УБИЙСТВО

Над головой Иоанна сгущаются черные тучи. Ему не суждено довести до конца свои великие замыслы. Он не сможет заключить военного союза ни с одной из европейских держав, поскольку все они относятся с презрением к Русской земле, не добьется свободного ввоза из Европы оружия и мастеров, не доведет до конца преобразование своего давно устарелого войска, не вернет всего лишь на короткое время утраченных им русских земель, которым более ста лет придется дожидаться освобождения от наглых, ненасытных, однако трусливых польско-литовских и шведских захватчиков.

Чем дольше ведутся переговоры с неверным, уклончивым английским посланником Боусом, тем упорней растекаются по Москве провокационные, предвещающие преступление слухи, порочащие царя и великого князя, поджигающие против него не только подручных князей и бояр, и без того всегда готовых заварить новую смуту по любому поводу и даже без повода, но и простой православный народ как ударную силу возможного возмущения. Многие из его глубоко задуманных начинаний извращаются, перетолковываются, оборачиваются против него. Дальновидный, веротерпимый, он привлекает на Москве иноземцев, в окрестностях стольного града отводит им обширные земли, на которых закладывается и разрастается Немецкая слобода, позволяет протестантам в ее пределах выстроить кирху, чего не способен понять нетерпимый иезуит Антоний Поссевин и чего не желает допускать тоже нетерпимое православное духовенство, и подозрительные люди толкуют по рынкам, по людным местам будто наш-то батюшка-царь стакнулся с богохульниками, с еретиками, и впоследствии дьяк Иван Тимофеев с негодованием занесет в злобой дышащий «Временник» будто «вся внутренняя его в руку варвар была», с твердым убеждением старорусского человека почитая варварами всех инаковерующих, всех инакомыслящих, всех иноземцев. Поговаривают также о том, будто наш-то батюшка-царь, забрав всю казну, сбежать собирается в Англию и там жениться на одной из родственниц тамошней королевны, богохульнице и еретике. Особенно настойчив и опасен коварный слушок, будто после женитьбы на богохульнице и еретике батюшка-царь лишит престола законного наследника, всем известного примерным своим благочестием царевича Фе-

дора, и утвердит наследником сына от богохульницы и еретицы, хотя пока что нет ни женитьбы, ни тем более сына от предполагаемой богохульницы и еретицы и батюшка-царь никуда не бежит, даже в мыслях не держит бежать.

Именно этот коварный слухок с головой выдает его искусственного в подлостях автора, мастера именно тихой, закулисной интриги, которым может быть только Борис Годунов, после гибели царевича Ивана страшнейший больше всего, как бы грозный царь Иоанн не устранил Федора, больного, неумного, если не в пользу мифического отпрыска мифической англичанки, то в пользу пока что живого и вполне здорового Дмитрия, а с ним вместе в пользу семейства Нагих. Чуть ли не больше такого для него унижительного, подобного смерти исхода Борис Годунов страшится того, что грозный царь Иоанн устранил не старшего царевича Федора, а его все еще бесплодную супругу Ирину, а вместе с ней, разумеется, падет и сам ее брат Борис Годунов.

Для его переживаний и страхов имеются серьезные основания. Как всякий наследственный государь и разумный правитель, Иоанн всю свою жизнь беспокоится о достойном преемнике. Его удручает, что старший царевич Иван упорно не желает обременяться государственными делами и с годами все основательней углубляется в богословие и помышляет о служении единственно Богу, а не Московскому царству. Тем более его удручает очевидная и полнейшая неспособность Федора заниматься хоть чем-нибудь, кроме колокольного звона, до самозабвения любимого им. Он упорно женится еще и еще раз, невольно удабривая недобрую почву для грязных легенд о его якобы беспримерной распущенности. Каждый раз он добивается от церковных властей, чтобы его очередной брак был по всем правилам освящен, так что впоследствии ни у кого, у его убийцы в первую очередь, не возникает сомнения, что царевич Дмитрий, сын от пятой жены, его подлинный, законный наследник. Он хлопочет, чтобы как можно раньше появились дети у его сыновей, ведь от правильного хода наследования государственной власти зависит спокойствие и прочность Московского царства, и когда и первая, и вторая супруги Ивана оказываются бесплодными, он настаивает на расторжении брака и на заключении нового, чтобы правильным, законным порядком продлился род московских царей и великих князей.

Все три супруги Ивана оказались бесплодны, и после его внезапной кончины старшая линия московских царей и великих князей затухает. Не оказывается детей и у царевича Федора. Пока ему готовится скромная участь удельного князя где-нибудь в Костроме или Угличе, можно только благословлять бесплодие Ирины Годуновой: меньше причин для междоусобной вражды между братьями после смерти отца, больше оснований для благодетельной прочности Московского царства. Положение круто меняется после внезапной кончины Ивана. Что Федор не определен Богом к нелегким трудам управления государством, ясно даже слепому. Царевич Дмитрий еще слишком мал, но когда-нибудь он подрастет, тогда бесплодие Ирины всенепременно подвигнет младшего брата на вооруженную борьбу против никчемного, слабовольного, слабоумного Федора, взошедшего на престол. Такова кровавая история и Киевской Руси, и Северо-Восточной Руси, и Московского великого княжества, и сам грозный царь Иоанн долгие годы принужден был бороться против претензий на верховную власть двоюродного брата Владимира Старицкого, за спиной которого крылись мятежные князья и бояре.

Иоанн не хочет, да не имеет и права, умереть прежде, чем возьмет на руки внука хотя бы от слабосильного Федора, и заговаривает с ним о благодетельности развода с бесплодной женой. Неизвестно, насколько в этих сложных обстоятельствах настойчив отец, но ведь Федор податлив как воск, стало быть, Ирина Годунова со дня на день может очутиться погребенной в монастыре, а Федор женится на другой. И кем же обернется тогда Борис Годунов, в какую бездну безвестности он тог-

да улетит, причем улетит навсегда? Гигантское честолюбие понуждает Бориса спешить и спешить, оттого и множатся снежным комом коварные слухи и о богохульницах, и еретицах, и о мифическом наследнике от англичанки, которому будет бы уже уготовано всевластно владеть православным народом, и так сильно, не отразимо эти подколодные слухи действуют на богатое воображение по-детски доверчивых русских людей, что москвичи начинают роптать, и уже английского посла, несчастного Боуса, по улицам и переулкам Москвы сопровождают опасные крики: «Карлуха, Карлуха, журавлиные ноги!», и сам несчастный Боус страшит, как бы враждебно настроенная толпа не растерзала его прямо на площади перед царским дворцом.

Но вот что особенно странно: в одно время с этими темными, подколочными слухами, порочащими царя и великого князя, представляющими его отступником от православия, то есть более чем государственным преступником в представлении православного населения, здоровье его ухудшается, медленно, постепенно, а все приметней, приметней прежде всего для него самого. Все последние годы, несмотря на тяжкие боли в костях и суставах, он остается здоровым, деятельным, бодрым, с ясной мыслью и здравым умом, расчетливым политиком, талантливым полководцем и дипломатом. Внезапно он начинает ощущать приближение более тяжелой, более серьезной болезни, имени которой никто не может найти. Его тело, прежде истощавшееся только длительными постами, начинает болезненно опухать. Призванные осмотреть его лекари останавливают внутреннее гниение и разложение крови. Если они ставят верный диагноз, это явные признаки отравления, тем более что прописанные и приготовленные снадобья не только не облегчают, не замедляют болезни, но как будто усиливают ее, а по Москве ползут новые слухи, что это последний, без сомнения, смертельный недуг и что недуг этот есть, опять без сомнения, неизбежное следствие беспрудного разврата и пьянства.

Иоанн мужественно борется и с этой напастью. Он продолжает заниматься государственными делами, все еще пристально следит за переговорами с Боусом, выслушивает донесения о состоянии крепостей, закладывает Архангельск, принимает от Ермака некстати пришедшую Сибирскую землю, лет тридцать назад доброй волей вступившую в московское подданство. Только десятого марта его именем останавливают польско-литовского посла на дороге к Москве, ради недуга, поразившего царя и великого князя, как тому говорят, если только это его личное повеление, а не попытка заговорщиков избавиться от нежелательного свидетеля. Достоверно известно, что в эти же дни, опять его именем, во все обители рассылается царская грамота:

«В великую и пречестную обитель, святым и преподобным инокам, попам, дяконам, старцам соборным, служебникам, клирошанам, лежням и по кельям всему братству преподобию ног ваших касаясь, князь великий Иоанн Васильевич челом бьет, молясь и припадая преподобию вашему, чтобы вы пожаловали, о моем окаянстве соборно и по кельям молили Бога и пречистую Богородицу, чтобы Господь Бог и пречистая Богородица ваших ради святых молитв моему окаянству отпущение грехов даровали, от настоящие смертные болезни освободили и здравие дали; и в чем мы перед вами виноваты, в том бы вы нас пожаловали, простили, а вы в чем перед нами виноваты, и вас во всем Бог простит...»

И чем явственней проступает болезнь, тем настойчивей и подозрительней становятся зловещие слухи. В конце зимы между главами Благовещенья и Ивана Великого встает всем видимая комета, походящая очертаниями на крест, и вот говорят, что Иоанн, любопытствуя видеть ее, долго стоит на Красном крыльце, глядит на комету как на знаменье. Казалось бы, явленный крест предвещает милость, возвещает добро, отпущенье грехов, о чем он молится сам и просит молитв-

Г. Седов. Иван Грозный любуется на Василису Мелентьеву. 1875 г.

ся по пречистым обителям, означает скорейшее исцеление, однако ж передают, будто батюшка-царь внезапно меняется в лице и обращается к ближним боярам: — Вот знамение смерти моей!

Если даже в минуту телесной слабости именно эта мысль и приходит ему в голову при виде стоящего в небе креста, то обращается он к очень немногим, кто в тот час окружает его, и кто-то из них тотчас разносит чересчур кстати оброненные слова царя и великого князя. Однако это зловещее предсказание слишком быстро, слишком точно сбывается, как это приключается лишь с предсказаниями, либо придуманными задним числом перепуганным суеверием, либо изобретенными именно теми людьми, которые приводят любезное им предсказание в исполнение и заранее знают, как скоро и когда именно наступит долгожданный конец, точно кто-то заблаговременно тщится внушить, что тут кончина естественна, смерть неизбежна. Да и кто помирает-то? Царь и великий князь? Да, разумеется, но и окаянный, дурной человек, паскудник и еретик. Стало быть, и концы в воду, некому будет жалеть.

Иоанн болеет давно, уже лет пять или шесть, любое неосторожное движение вызывает в его спине и суставах острую, порой нестерпимую боль, и все эти годы его пользуют, без особенного успеха, иноземные доктора, собственных обученных докторов на Русской земле не имеется, поистине русский человек из века в век помирает естественной смертью, и вдруг в эти последние месяцы он будто бы повелевает отыскать знахарок и знахарей по всем глухотамьям Заволжья и Севера, их, конечно, отыскивают, доставляют в Москву, не двух или трех, не десяток-другой, а целый отряд, говорят, что человек шестьдесят, он даже будто бы отводит для них целый дом во дворе, и ради чего?

Кажется, легче легкого ответить на этот очевидный запрос: знахари и знахарки пользуют простой народ заговорами и целебными травами, вот и батюшка-царь, как приспичило, решается прибегнуть к этому последнему, хоть и непохвально-

му средству, за то, известное дело, никто не осудит его, помирать-то не хочется никому. Ничуть не бывало — ни о каком лечении шептаниями да целебными травами не слышать и помину. В росказнях того смутного времени история со знахарками и знахарями получает совершенно иной и тоже порочащий, по сути обличающий в преступлении оборот.

Православная церковь, с первых дней своего насильственного утверждения на малогрешной от века Русской земле, объявляет тысячи, десятки тысяч народных врачевателей, они же волхвы, они же языческие жрецы, кудесниками и колдунами, вылавливает и сжигает их как еретиков, а за пользование целебными травами князья и бояре еще и при тишайшем царе Алексее Михайловиче попадают в опалу, в пустынные северные края единственно ради просветленья ума.

И вот обнаруживается, что Иоанн вовсе не лечится у призванных его повелением знахарок и знахарей, а прибегает к ним именно как к кудесникам и колдунам, предсказателям будущего, что строго-настрога запрещается церковью, и посылает к ним не с вполне понятным запросом: когда именно милосердный Господь ему дарует здоровье, исцеление от темной болезни, о чем просит молиться в великих и пречистых обителях, а с непонятным, неестественным запросом о том, когда, в какой день и час, по сочетаниям звезд, он помрет, что опять-таки строго-настрога запрещается церковью, обычаи и законы которой он с благоговением почитает во всю свою жизнь. Таким образом вновь звучит уже знакомый, грубый, подлый намек: из жизни уходит не боговерный, не православный царь и великий князь, не усердный молещик и постник, не истинно и глубоко верующий христианин, а богоотступник и еретик, которому уготовано горяченькое местечко в аду.

Столь навязчивый грубый намек никак не вяжется с его письменным обращением к инокам, попам, дьяконам, соборным старцам, служебникам, клирошанам, лежням, ко всему братству по кельям? Что ж из того, о его грамоте, о его тяжелых постах и слезных молениях никому неизвестно, кроме тесного круга ближних бояр, а злокозненный слух о кудесниках и колдунах гуляет по всей православной Москве. К слухам о богоухольстве пристегиваются и вовсе бессовестные, жуткие росказни, причем опять-таки пристегиваются в тот самый момент, когда необходимо укрыть или хотя бы оправдать преступление. Как после внезапной смерти Ивана кто-то усердно передавал, будто батюшка-царь пытался изнасиловать молодую невестку, брюхатую супругу царевича, так и теперь уверяют немеющую толпу, будто батюшка-царь, уже смертельно больной, пытается изнасиловать другую невестку, Ирину Годунову, супругу царевича Федора, и на этот раз тоже только пытается, ведь больного переносят с места на место на руках его слуги, стало быть, драгоценная честь Ирины Годуновой остается в полной сохранности, что, естественно, для ее брата в этой истории важнее всего.

Очевидно, что это лишь подготовка общественного мнения, лишь блудливое прикрытие созревшего заговора. И впрямь, восемнадцатого марта вдруг наступают развязка. Этот день довольно подробно описан в известных записках Джерома Горсея, торгового агента, представителя лондонской Московской компании, которая добивается исключительного права торговли, англичанина и шпиона. Этому человеку не за что любить московского государя, зато есть за что ненавидеть и обвинять его во всех смертных грехах — ведь именно Джерому Горсею лондонская Московская компания поручает вытянуть у него, вопреки мнению наполовину честного морехода, наполовину капитана Карлайла, исключительное право торговли, а ему уже на протяжении нескольких лет никак не удается достигнуть успеха.

В первые годы, когда его заслали в Москву, Джером Горсей пытается действовать через князя Ивана Мстиславского, позднее он налаживает доверительные отношения с Борисом Годуновым, тем не менее исключительного права торговли

как не было, так и нет, Иоанн продолжает, не колеблясь, отстаивать принципы свободной торговли. Изданное впоследствии «Путешествие сэра Джерома Горсея» призвано его оправдать, по крайней мере, с возможной убедительностью объяснить его тяжелую неудачу в начале и успешное выполнение секретного поручения в конце. Ему в любом случае выгодно выставить московского царя и великого князя тираном, злодеем, чудовищем, распутником, палачом, он и делает это, напиговывая свои записки недоброжелательными рассказами Ивана Мстиславского, известного многократного клятвопреступника, и разнообразными слухами, сплетнями, гуляющими по торговым рядам. В его записках бесчисленное количество заведомо лживых легенд, много и собственной сознательной лжи. Ему редко доводится быть свидетелем, очевидцем событий: ведь жизнь Московского царства, тем более политическая и придворная жизнь, наглухо закрыта для иностранцев. Он бывает правдив только в тех редких случаях, когда повествует о том, что видел собственными глазами, в чем принимал участие как нечаянный наблюдатель или как заинтересованное лицо. Он очень недоволен переговорами, которые ведет Джером Боус, поскольку этот наглец того гляди сделает то, что давным-давно должен был сделать и не сделал Джером Горсей. Он каким-то образом обнаруживает, что успеху переговоров разного рода тайными махинациями противодействует, совместно с другими, также и Борис Годунов. Тут их интересы неожиданно совпадают. Ему удается узнать кое-какие подробности, и вот в своем «Путешествии» он прямо, не выражая сомнений, не делая оговорок, указывает на Бориса Годунова как на заговорщика против царя и великого князя:

«Князья и бояре, особенно ближайшее окружение жены царевича — семья Годуновых, были сильно обижены и оскорблены этим, изыскивали секретные средства и устраивали заговоры с целью уничтожить эти намерения и опровергнуть все подписанные соглашения...»

Понятно, что Борис Годунов рвет и мечет, пытается расстроить будто уже близкую женитьбу Иоанна на племяннице английской королевы и, напротив, во что бы то ни стало сохранить брак царевича Феодора и своей сестры Ирины Годуновой, на котором держится его сомнительное положение при дворе и его масштабные надежды на более светлое будущее. Однако на этот раз он так спешит, что совершает не один, а несколько промахов. Его проделки становятся известны самому Иоанну, а жестокий опыт успел всех научить, что с посягательствами на свою власть грозный царь Иоанн не любит шутить; на плаху-то, может, и не пошлет, не того калибра злодей, а вот в монастырь или в какой-нибудь Пустозерск законопатит за милую душу. Джером Горсей кратко передает его состояние: «Царь в гневе», и с ненужными подробностями останавливается на великом множестве кудесников и колдунов, от которых Иоанн намеревается что-то узнать. Разоблачение грозит Борису Годунову по меньшей мере опалой. Не кто-то другой, а именно он в этих зыбких обстоятельствах должен спешить, должен принимать самые решительные, самые крайние меры, именно для него одного в эти последние дни вопрос ставится так: либо смерть грозного царя Иоанна, либо собственная опала, утрата всего, чего он с таким унижением и трудом добивался. И он спешит, и потому совершает ошибки. Кончина царевича Ивана обошлась без свидетелей. На этот раз каким-то образом впутывается свидетель, впрочем, крайне заинтересованный человек, Борис Годунов не успевает, возможно, не в силах его удалить, устранить, не исключено, что впопыхах даже не замечает его.

Восемнадцатого марта с утра Джером Горсей толчется где-то в переходах Кремля, ведь он тоже плетет заговоры против Джерома Боуса, своего конкурента, и против грозного царя Иоанна, который, видите ли, никак не желает удовлетворить якобы законные требования англичан, якобы имеющих право стать господами на Русской земле. Случайно или так задумано между Годуновым и ним, но, как бы там

ни было, он попадает на глаза простодушному царевичу Федору, и этот добряк движением руки приглашает его следовать за собой, как, вероятно, позвал бы любого другого, единственно по своей всегдашней рассеянности и доброте:

«Каждый день царя выносили в его сокровищницу. Однажды царевич сделал мне знак следовать туда же. Я стоял среди других придворных и слышал, как он рассказывал о некоторых драгоценных камнях, описывая стоявшим вокруг него царевичу и боярам достоинства таких-то и таких-то камней...»

Далее английский шпион с такой обстоятельностью, с такой достоверностью передает рассуждения Иоанна, «для моей собственной памяти», что не может оставаться сомнений: вопреки всем московским обычаям и запретам для иноземцев, он при этом почему-то присутствовал и слышал размышления Иоанна о свойствах магнита, коралла, бирюзы, алмазов, рубинов, изумрудов, сапфиров, вплоть до философского заключения, которое свидетельствует о том, что Иоанн до своего последнего часа оставался в трезвом и здравом уме:

— Все эти камни — чудесные дары Божьи, они таинственны по происхождению, однако раскрываются для того, чтобы человек их использовал и созерцал, они — друзья красоты и добродетели и враги порока. Мне плохо, отнесите меня отсюда до другого раза.

Верткий, специфически любопытный Горсей так и прилипает к простодушному царевичу Федору, следует всюду за ним и проникает во внутренние покои царя и великого князя, в которые иноземцу ни под каким видом проникнуть нельзя. Он продолжает:

«В полдень он пересмотрел свое завещание, не думал, впрочем, о смерти, так как его много раз околдовывали, но каждый раз чары спадали, однако на этот раз дьявол не помог. Он приказал главному из своих врачей и аптекарей приготовить все необходимое для его развлечения и для ванны...»

Главным аптекарем служит Богдан Бельский, стало быть, все приготовления исполняются под его неусыпным присмотром или при полном его попустительстве, смотря по тому, какое место ему отводится в заговоре. Затем английский шпион довольно подробно рассказывает о том, как Иоанн отправляет этого своего любимца к кудесникам и колдунам и что кудесники и колдуны будто пророчат смерть Иоанна нынче, восемнадцатого марта, до окончания дня. Между тем английский шпион почему-то не отмечает в лице или в поведении грозного царя Иоанна каких-либо признаков смертоносной болезни, ни зловония, говорящего о разложении крови, ни болезненной одутловатости, которые не могут же не бросаться в глаза. Больше того, Иоанн именно восемнадцатого марта чувствует себя много лучше, чем все последние дни, и накануне распоряжается, чтобы на время задержанный польско-литовский посол направлялся в Москву. Недаром, по свидетельству агента английских спецслужб, именно в этот роковой день Иоанн бодр и весел, о скорой кончине не думает, стало быть, и о дне своей смерти не имеет надобности запрашивать чуть ли не мифических кудесников и колдунов, и скорой кончины не предвещает ничто:

«Около третьего часа дня царь вошел в нее, развлекаясь любимыми песнями, как он привык это делать, вышел около семи, хорошо освеженный. Его перенесли в другую комнату, он сел на свою постель, позвал Родиона Биркина, своего любимца, и приказал принести шахматы. Он разместил возле себя своих слуг, своего главного любимца и Бориса Федоровича Годунова, а также других...»

Английский шпион не называет по имени этих других, либо ему известны не все имена, во что не особенно верится, либо они не участвуют в преступлении и потому не заслуживают упоминания. Итак, в покоях царя и великого князя присутствует несколько человек и между ними один иноземец, который, по всей вероятности, в соответствии со своей особенной специальностью таится где-нибудь

в уголке, без позволения самого Иоанна ему присутствовать здесь не дано быть. Кто-то еще стоит на почтительном расстоянии, готовый, если понадобится, услужить, подать, принести. Совсем близко от Иоанна только Родион Биркин, Богдан Бельский и Борис Годунов, только эти трое имеют возможность совершить преступление, и преступление совершается на глазах у притаившегося в тени подлого наблюдателя, возможно, зачем-то нарочно введенного в покои свидетеля:

«Царь был одет в распахнутый халат, полотняную рубаху и чулки; он вдруг ослабел и повалился навзничь. Произошло большое замешательство и крик, одни посылали за водкой, другие к аптекарям за ноготковой и розовой водой. Тем временем царь был удушен и окоченел...»

Это свидетельство очевидца. Шпион, соучастник, вероятный вдохновитель заговора, он отчитывается в своей деятельности перед английскими тайными службами. И в том, и в другом случае он должен быть абсолютно правдив. Он не видит или не считает нужным указывать, когда и кто подносит Иоанну отраву, в бане, после бани, когда русские люди непременно кушают хлебный квас или водку, исключительно ради здоровья и прекрасного расположения освеженного духа, или тут же в спальне, когда приготавливаются шахматы, тем не менее, возможность преподнести царю и великому князю лошадиную дозу отравы вместе с питьем имеет один Богдан Бельский, он глава сыска, он глава Аптекарского приказа, в его полномочном распоряжении все лекари, все аптекари и все снадобья, он в обязательном порядке пробует все, что пьет или ест государь. А вот кто после отравления для верности придушил уже находящегося в агонии царя и великого князя, английский шпион скорее всего видел, однако имени по каким-то собственным, скрытым причинам не желает назвать и годы спустя, он предпочитает выразиться безлично: «царь был удушен», не вдвоем же душили его, душили мог кто-то один, ведь Богдан Бельский на этот раз занят и в спешке, только он имеет право послать к аптекарям за чем бы то ни было. К тому же душитель действует исподтишка, под прикрытием криков, общего замешательства и суеты, когда все присутствующие, кроме нарочно введенного в спальню шпиона, разбегаются кто куда впопыхах. При умирающем Иоанне один на один в сложившихся обстоятельствах остается только Борис Годунов. Его имени английский шпион не считает нужным назвать: к тому времени, когда он публикует свое «Путешествие», Борис Годунов уже становится полновластным, хоть и бесславленным правителем Московского царства.

Имеются и другие свидетельства насильственной смерти грозного царя Иоанна. Одно из них особенно важно. Оно попадает в известный «Московский летописец» из несохранившегося митрополичьего свода. Мало того, что митрополичья летопись ведется монахом, митрополит в свои летописцы избирает наиболее надежное, доверенное лицо и постоянно просматривает записанное, если не сам лично диктует многое из того, что считает нужным сохранить для потомства. В любом случае, этому человеку открыты едва ли не все церковные и придворные тайны, и вот что он говорит:

«Нецьи же глаголют, яко даша ему отраву ближние люди. И духовник ево Феодосий Вятка возложил на него, отшедшего государя, иноческий образ и нарекоша во иноцех Иона...»

Об убийстве и об убийцах пишет и дьяк Иван Тимофеев в своем «Временнике», правда, он записывает уже по позднейшим рассказам:

«Жизнь же яростивого царя, глаголют нецьи, прежде времени ближнии сего зельства его ради сокращения угасиша: Борис, иже последи в России царь бысть, сложившийся купно в дваема с тайномыслии о убиении его с настоящим того времени царевем приближным возлюбленником неким, глаголаемым Богданом Бельским...»

Исаак Масса, торговый агент, по национальности итальянец, однако торговый человек из Голландии, впервые прибывший в Москву в 1601 году, в своем «Кратком повествовании о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, бывших в непродолжительный период царствования нескольких государей ее, до 1610 года», повествует, что Иоанн был действительно болен, день ото дня становился все слабей и слабей, однако все еще опасности для жизни не было никакой, и передает историю кончины царя и великого князя так, как кто-то из русских ему рассказал:

«Говорят, что один из главных вельмож, Богдан Бельский, пользовавшийся доверием царя, подал ему прописанное доктором Иоанном Эйлофом питье, бросив в него яд в то время, когда подносил царю. От этого напиток он умер. Справедливо ли это, известно одному Богу, верно только, что вскоре царь умер...»

Входит, что у постели грозного царя Иоанна орудует все та же преступная троица, которая орудовала и у постели больного царевича Ивана: Эйлоф, Бельский и Годунов, и следствием там и тут была смерть.

Польский гетман Жолкевский, располагавший какими-то сведениями о насквозь преступной жизни Бориса Годунова, очень уверенно, безоговорочно пишет:

«Он лишил жизни и царя Ивана, подкупив английского врача, который лечил Ивана, ибо дело было таково, что если бы он его не предупредил, то и сам был бы казнен с многими другими знатными вельможами: казнь подданных не была новостью для царя Ивана, ибо от начала мира не было тирана подобного ему...»

Позднее келейник патриарха Иова составляет «Историю Иосифа». Из этой «Истории» до нашего времени сквозь разрушения и пожары нашествий добирается любопытный отрывок:

«Другие сказывают, якобы Бельский отцу духовному в смерти царя Иоанна и царя Федора каялся, что сделал по научению Годунова, которое поп тот сказал патриарху, а патриарх царю Борису, по котором немедленно велел Бельского, взяв, сослать. И долго о том, куда и за что сослали, никто не ведал...»

После стольких разнообразных, разнородных свидетельств нельзя не припомнить, что позднее именно Бориса Годунова обвинит Мария Нагая, вдова и мать, в попытке отравить царевича Дмитрия и что вскоре царевич Дмитрий действительно умрет или исчезнет при нарочно запутанных, до сей поры неразгаданных обстоятельствах.

Наконец, спустя почти четыреста лет научная экспертиза, безукоризненно проведенная по настоянию замечательного антрополога Михаила Михайловича Герасимова, в костных останках грозного царя Иоанна, как и в костных останках его старшего сына Ивана, обнаруживает чрезмерное содержание ртути, превышающее допустимую норму в две с половиной тысячи раз, свидетельство умышленного, преступного отравления.

Убийцы и сами себя выдают. Формально вопрос о власти решается просто: после кончины отца царский венец переходит к его законному сыну царевичу Федору, однако к нему верховная власть может перейти только формально. Царевич Федор болен телесно и умственно слаб. Он не способен самостоятельно управлять государством. Он вообще не способен ничем управлять. Стало быть, при нем должен быть опекун, соправитель, а вернее сказать, настоящий, полновластный властелин Московского царства. Кто же должен этим полновластным правителем стать? По праву родства первое место при царевиче принадлежит вовсе не Борису Годунову, всего лишь шурина, брату его бесплодной жены, опричнику, боярину новообразованной Думы опричной, а его дяде Никите Романовичу Захарьину-Юрьеву, известному воеводе, умелому дипломату, издавна приближенному к власти предусмотрительным царем Иоанном, одному из влиятельных бояр земской Думы, традиционной, старинной, хоть и отодвинутой в сторону, но имеющей за собой

земское боярство, ревнителей своевольной, антигосударственной старины. Очевидно, что Борис Годунов не испытывает желания уступить завидное первое место Никите Романовичу, родному дяде царевича Федора, как очевидно и то, что Никита Романович, со своей стороны, также не горит желанием уступить то же завидное первое место Борису Годунову, следовательно, борьба между ними за это завидное первое место должна взъяриться тотчас после кончины грозного царя Иоанна, в тот же день, в тот же час.

Оба прекрасно знают об этом, оба должны были заблаговременно изготовиться к неминуемо предстоящей борьбе, у каждого из них достаточно родственников и более чем достаточно вооруженных людей под рукой, только вот в какой день, в какой час привести свои вооруженные силы в боевую готовность, призвать заблаговременно в Кремль, призвать с такой быстротой, чтобы опередить соперника по борьбе и занять это завидное первое место раньше, чем займет его он? Ошибись каждый из них на какой-нибудь десяток минут, призови своих сторонников чуть раньше рокового мгновения, когда царь и великий князь еще будет дышать, Иоанну откроется заговор на его жизнь, на его власть, на власть его тщедушного сына, и опричная стража успеет разогнать или перебить заговорщиков, а вождам заговорщиков уж точно придется сложить немудрящие головы под неумолимым топором палача. Единственно тот, кто сам совершает убийство, доподлинно знает день и час своего преступления, лишь убийца имеет возможность заранее подготовить и родственников, и вооруженных людей; и в самый нужный, в самый критический миг призвать их себе на подмогу, именно эти так кстати прибывшие родственники и вооруженные люди своей поразительной расторопностью изобличают убийцу вернее, надежней любых, всегда хотя бы отчасти сомнительных документов, тем более устных свидетельств, тем более сделанных спустя много лет. Джером Горсей, англичанин, торговый агент и шпион, представитель лондонской Московской компании и уже учрежденной английской разведки, поскольку умудряется принять участие в захвате власти одним из убийц, продолжает свой поданный в Англии отчет очевидца. После того как грозный царь Иоанн «был удушен», не митрополит, к которому на краткий срок междуправления в силу обычной переходит верховная власть и которого, как видно, предумышленно не тотчас извещают о постигшем несчастье, хотя его подворье расположено тут же, в Кремле, и никто другой, а именно Богдан Бельский и Борис Годунов, уже в ранге «князя-правителя», первого лица в государстве, тут же принятом им на себя, как это желается в интересах вечно подлой английской политики и торговли, «вышли на крыльцо в сопровождении своих родственников и приближенных, которых вдруг появилось такое великое множество, что было странно это видеть...»

Еще бы не странно: ведь только эти двое убийц точно знали, впоследствии свалив свое подлое знание на ворожбу ни в чем не повинных знахарей и знахарок, в какой день, в какой час окружить себя надежной охраной и на случай, если убийство по каким-то причинам провалится и заговор будет открыт, и для того, чтобы, если грозного царя Иоанна все-таки удастся неприметно убрать с глаз долой на тот свет, успеть подцепить на крючок верховную власть, на которую у обоих имеются только сомнительные, едва ли не птичьи права. Уж что-что, а о сомнительности своих прав они знают наверняка, и они прежде всего принимают чрезвычайные меры для своей безопасности:

«Приказали начальникам стражи и стрельцам зорко охранять ворота дворца, держа наготове оружие, и зажечь фитили. Ворота Кремля закрылись и хорошо охранялись. Я, со своей стороны, предложил людей, военные припасы в распоряжение князя-правителя. Он принял меня в число своих близких и слуг, прошел мимо, ласково взглянул и сказал: “Будь верен мне и ничего не бойся”...»

Таким образом, Богдан Бельский и Борис Годунов, при открытой поддержке

английского подданного, затворяются в крепости, всюду выставляют вооруженную стражу и держат наготове пищали и пушки, приказав пушкарям и стрельцам держать наготове зажженными фитили. Чего же они опасаются? Иоанн мертв, верховная власть переходит к его законному сыну царевичу Федору, иные претенденты отсутствуют, если не считать годовалого царевича Дмитрия, никто прав царевича Федора не оспаривает и не имеет никаких оснований оспорить, никто на царское место не может посягнуть даже силой. Для чего же принимать столь чрезвычайные, явно трусливые меры предосторожности?

В том-то и дело: все знают, что болезнь Иоанна не может привести его к близкой, тем более к скоростижной кончине, что его состояние в последние дни улучшается до того, что он готовится принять посла польско-литовского короля, стало быть, многим и многим может показаться подозрительной эта внезапная смерть, а шепни кто-нибудь на ушко москвичам, что убит грозный царь, перед которым трепещут ненавидные волки, как среди москвичей именуется князья и бояре, убийц растопчут, разнесут на клочки, да и старших по чину, по месту князей и бояр тоже следует предупредить и не пропустить их в Кремль во главе с вооруженными слугами. А потому и скорбную весть о кончине грозного царя Иоанна оба подают, Богдан Бельский и Борис Годунов, только после того, как наглухо затворяют ворота Кремля. Джером Горсей, сам, как выходит, и тайный и явный, исключительно добровольный соучастник и убийства, и последовавшего за ним государственного переворота, предложивший убийце своих людей и оружие, тоже почему-то готовое к бою, изображает Бельского и Годунова тираноубийцами, то есть героями, а потому проговаривается лишь поневоле, с каким опозданием появляются в царском дворце высшие чины государства:

«Митрополиты, епископы и другая знать стекались в Кремль, как бы отмечая дату своего освобождения. Это были те, кто первыми на святом Писании и на кресте хотели принять присягу и поклясться в верности новому царю, Феодору Иоанновичу...»

Присягают бойко, поспешно, с трудом сдерживая долгожданную радость, что и у них, наконец, ручной государь, золотая мечта боярской анархии, как издавна повелось у неумолимо идущих к упадку поляков.

Присяга занимает шесть-семь часов.

Глава вторая ПОСЛЕДЫШ

Присягнули на верность, а кому повиноваться, кому хранить верность, кого почитать? Повиноваться, хранить верность предстоит «блаженному», «звонарю», как с досадой под горячую руку иногда именовал его несчастный отец, «блаженного», «звонаря» опекать, вертеть им в разные стороны, не то что ручной, а прямо никакой государь.

Его судьба была predeterminedена еще до рождения злодейством ближних бояр. Известно, что Анастасия, первая, любимейшая из жен Иоанна, была отравлена ртутью, как потом отравили Марию и сына Ивана. Свою долю отравы Федор получил еще до рождения, вместе с отравленной кровью медленно, мучительно умирающей матери.

В день восшествия на престол ему двадцать семь лет. Он не умен и не нажил ума. На его бледном лице всегда блуждает улыбка, неподвижная, мертвая. У него неясная, несвязная речь. От отца ему достается лишь хищный нос, как у ястреба. Во всем прочем он являет его прямую противоположность. Он мал ростом, приземист, тщедушен, нездорово одутловат, с неровной походкой на слабых ногах, естественное следствие не только болезни, но и неподвижного образа жизни; у него

дряблое тело, плотью он еще жив, но как будто уже не живет. Он добр, но добр безмысленно, ко всем без изъятия. Он милостив, но не отличает правых от виноватых. Он тих, детски наивен, прост в обращении, ласков с каждым, с кем говорит, и тотчас забывает о своем собеседнике. Он набожен, набожен чрезвычайно, а для того, кто призван вершить судьбу государства, чрезмерно. Эта набожность досталась ему от отца, с той существенной разницей, что Иоанн отдавал Богу только Богово, а всеми силами, вплоть до крайней жестокости, в случае крайней нужды, ограждал от множества алчных, внутренних и внешних, врагов православие и независимость Московского царства, тогда как сын к судьбе и православию, и Московского царства остается глубоко равнодушен. Он монах по образу жизни, видимо, по призванию, по натуре своей. Его место в келье монастыря или в пещере пустычника. Он ничего не читает, кроме Евангелия. Обширная библиотека митрополита Макария, ставшая библиотекой отца, постоянно, с любовью пополняемая отцом, ему не нужна.

Он поднимается в четыре часа. Его одевают и подают умываться. Он смывает остатки сна. Тогда в покой вступает его духовный отец и благословляет крестом. Следом за ним дьякон вносит икону святого, память которого приходится на этот день. Он встает перед ней на молитву и отдается ей не менее, редко более четверти часа. После молитвы духовный отец кропит молельню именно той святой водой, которую присылает дежурный на этот день монастырь. Очищенный молитвой и водосвятием хотя бы от тени греха, которая могла бы в этот утренний час хотя бы коснуться его благочестивой души, он посылает в покои царицы Ирины, сестры Годунова, спросить, каково она почивала, а, получив ответ, что почивала, как всегда, хорошо, отправляется на встречу с ней, однако не на ее половину, которую он посещает только перед постами и постными днями, избегая греха, а в покои, куда выходят его спальня и спальня жены. Вместе, в полном согласии, они приходят к заутрени, которая длится не менее часа. Теперь, казалось бы, наступает время государственных дел, как велось после заутрени у грозного царя Иоанна, однако Федор страшился государственных дел как самого большого греха. В большом покое он принимает бояр, которых на этот раз признал достойными высокой милости видеть его, сказать ему несколько слов. Бояре кланяются, утруждают его житейскими, тоже греховными просьбами: кому землицы, кому привилегию, кому сборы с торгового, с города, с удела прежних времен. Он улыбается мертвой улыбкой и отпускает с миром к думному боярину, который распределяет его милости уже по своему усмотрению. Уже девять часов. Царь присутствует на обедне, которая занимает его на два часа, отдыхает немного после стояния и сотен земных поклонов, обедает, спит три часа мертвым сном безмятежного праведника, а там уж вечерняя, после которой он в полной праздности проводит с царицей, развлекаясь кривляньями карликов и шутов, а там ужин, молитва и сон.

Глава третья ПЕРЕВОРОТ

Присягают последышу под пристальным наблюдением опричных пушкарей и опричных стрельцов, повсюду расставленных с зажженными фитилями, а тем временем Богдан Бельский и Борис Годунов продолжают действовать сосредоточенно, прытко и, как видно, по плану, обдуманному заранее:

«Удивительно много успели сделать за 6 или 7 часов: казна была вся опечатана, и новые чиновники прибавились к тем, кто уже служил этой семье. 12 тысяч стрельцов и военачальников образовали отряд для охраны стен великого города Москвы; стража была дана и мне для охраны Английского подворья...»

Однако даже столь решительных, разнообразных и вовремя принятых мер не

достаёт для того, чтобы безоговорочно, безболезненно захватить завидное первое место, место полновластного правителя при слабом, больном, неспособном царе. К несчастью для заговорщиков, это завидное первое место только одно, тогда как заговорщиков двое. При царе Федоре его может занять Борис Годунов, шурин, брат царицы Ирины, а Богдан Бельский остаётся в лучшем случае на втором. Богдан же Бельский может занять завидное первое место только при малолетнем царевице Дмитрие, при сильной поддержке его верных сторонников, тоже заблаговременно призванных в царский дворец, стало быть, вместо никудышного Федора провозглашен может быть Дмитрий, тоже ручной государь, ведь Иоанн умирает внезапно, не успев отдать наипоследних распоряжений, зато при жизни, это хорошо известно не только подручным князьям и боярам, но и всему московскому люду, находясь в здравом уме и твердой памяти, он определяет в чин воспитателя царицы Дмитрие не кого другого, а Богдана Бельского, и Богдан Бельский явным образом не желает упустить эту возможность занять место правителя до совершеннолетия своего царственного воспитанника, следовательно, целых четырнадцать лет. На его беду и тут на первое место есть более влиятельный претендент. У царицы Дмитрие есть дядя Афанасий Нагой, удачливый дипломат, государственный человек, доверенное лицо грозного царя Иоанна. Может быть, по этой причине он не входит в число заговорщиков, и, как с первым опасным для них человеком заговорщики разделяются именно с ним: той же ночью всех Нагих произвольно и нагло обвиняют в измене и подвергают аресту. Это роковая ошибка напролом, без оглядки рвущихся к власти посредственных, государственного ума лишенных людишек, ослепленных неукротимым, безмерно раздувшимся честолюбием. Во главе опричной Думы стоят Богдан Бельский, первый боярин; Борис Годунов и Афанасий Нагой. Обвинение в измене, исключение Нагого прежде всего ослабляет опричную Думу в борьбе против земщины, которая, как только стало известно о смерти грозного царя Иоанна, тоже ослепленная, но ослепленная жаждой мести, готовится к наступлению, к ниспровержению ненавистного ей нового, учрежденного и укрепленного им государственного устройства. Во-вторых, исключение Нагого устраняет большого политика, дипломата, владеющего многими тайнами международных интриг, как раз в то переломное, переходное время, когда необходимо защищать интересы Московского царства от наглых притязаний и шведов, и поляков, и крымских татар, и католической церкви, давно мечтающей о ниспровержении православия. В-третьих, исключение Нагого ослабляет всю систему опричного управления, которое обеспечивает процветание торговых городов по всей Волге до самого низа и по всему Русскому Северу, от Астрахани и Нижнего Новгорода до Архангельска и Соловков. Наконец, исключение Нагого ослабляет опричное войско, дисциплинированное, организованное не по родословию, а по заслугам, которое медленно, неуклонно и неизбежно превращалось при Иоанне в первую регулярную русскую армию, в прочную опору, в твердую гарантию безопасности Московского царства.

Да ведь и это не все: есть еще Никита Романович Захарьин-Юрьев, дядя царицы Федора, есть еще Иван Федорович Мстиславский, двоюродный брат, занимающий в земской Думе первое место, этих тоже нелегко обойти, а соединиться в общем стремлении к благу Московского царства всем четверым искателям завидного первого места возможности нет, они все против всех, ни уму, ни сердцу ничего не говорит им благо Московского царства, как повелось со времен междоусобиц и княжеских смут, боярских заговоров, измен и бегства на службу к вековому врагу.

Правда, сначала им надлежит совместно проделать кое-какие формальности. Под бдительным оком вооруженных родственников и служилых людей Годунова и Бельского ни у кого не возникает желания докапываться, от каких именно тяжелых недугов так внезапно, скоропостижно, таинственно преставился грозный царь

Иоанн. Бог с ним, ведь никого из присутствующих он не обидел, ничем не стеснил, напротив, его волей они возвышены, выдвинуты на вершины около власти. На еще не остывшее тело отошедшего в иной мир великого государя Феодосий Вятка, его духовный отец, налагает, спеша и смущаясь, простые иноческие одежды, в нарушение всех правил и обычаев православия производит над мертвым телом необходимый обряд пострижения, возглашает его иноком и во иноках нарекает Ионой.

Задним числом проведенный обряд пострижения утверждает, будто Иоанн уходит из жизни естественно, благообразно, с трезвым рассудком, покаявшись и причастившись. Именно трезвый рассудок особенно необходим всем присутствующим, чтобы в дальнейшем его грозным именем бороться за власть. В самом деле, ведь коли трезвый рассудок, покаяние, соборование, пострижение, стало быть, успевает распорядиться, то-то вот и оно, трезвый-то рассудок означает, ни больше ни меньше, что ясно и четко выразил свою непреклонную монаршую волю, назначил опекуна, еще лучше — назначил целый опекунский совет, в таком случае его воля — закон. Только на самом-то деле помер внезапно, ни единого звука не успел проронить, даже не пикнул, когда задушили. Так кто опекун, кто опекунский совет?

Митрополит, епископы, все первые лица, пришедшие дать присягу на верность, похоже, застывают в недоумении, озабоченно пялятся друг на друга, не ведают, что предпринять, может быть, по неистребимому обычаю русских высокопоставленных мудрецов с умным ликом чешут в затылках. Среди них самым почтенным все-таки остается Иван Федорович Мстиславский, поседелый в трудах управления и многих измен, из князей Гедиминовичей, шутка сказать, в земской Думе первейший боярин, глава, ему бы и книги в руки, да слишком слабый, колеблемый ветром событий, пассивный, не то что бездарный, а прямо слабый умом человек, ему само собой надлежит занять завидное первое место при новом царе, да Бог не дает ни энергии, ни скорого соображения это завидное первое место одним взором, одним решительным жестом занять. Из Рюриковичей, бесспорно, завидное первое место остается за Шуйскими. Подвиги Ивана Петровича по спасению осажденного Пскова превращают его в любимца служилых людей и стрельцов, в особенности торговых людей, ремесленников и городского черного люда, в нем они видят заступника. Никита Романович Захарьин-Юрьев представляет московское старинное истовое боярство, которое издавна служит правой рукой московских великих князей, собирателей раздробленной, растащенной иноземцами Русской земли, основателей той твердой государственности российской, об которую в щепы разбились сотни нашествий, оттого он и рядом с Иваном Мстиславским в Думе сидит.

Напротив, и Богдан Бельский и Борис Годунов маловлиятельны среди сановных князей и бояр, неродовиты, к власти приближены службой и случаем, кроме того, и без убийства царевича Ивана, и без убийства самого грозного царя у обоих рыльце шибко в пушку. Богдан Бельский — мастер сыскных дел, преемник на этом необходимом, тем не менее всеми презираемом, низменном поприще не знающего жалости Малюты Скуратова-Бельского, хитрый, неверный, первейший среди доверенных лиц Иоанна последнего времени, вполне достаточно для того, чтобы бояться его, презирать и не любить. Положение Бориса Годунова, может быть, самое незавидное, самое скользкое. Мало того, что он зять того же ненавистного Малюты Скуратова-Бельского, свойственник Богдана Бельского и его подозрительный друг, каким все считают его, и тоже один из первейших доверенных лиц Иоанна, может быть, куда весомее то, что этот проходимец неуловим, неверен во всем, нигде и ничем не объявляет себя, он как будто на самом виду и в то же время как будто в глубокой тени, он как будто в ответе за все и в то же время от-

крыто ничем не запятнан, а такого рода непрозрачных, слишком уж темных людей всегда опасаются, ненавидят во все времена. Так кого же избрать? Вернее, кого же представить народу как будто нареченным самим грозным царем Иоанном?

По-видимому, Богдан Бельский первым нарушает затянувшееся молчание. Встаки он единственный человек, которого покойный царь и великий князь действительно нарек воспитателем своего младшего сына. Беспokoйный, честолюбивый не меньше, чем Борис Годунов, однако мало чему научившийся в поучительной должности главного сыщика, с поспешным умом, не умеющий загаиться, когда этого требуют обстоятельства, дожидаться удобного случая, действовать исподтишка и наверняка, он в первые же часы пытается отвести царевича Федора от престола за полной и очевидной его неспособностью к управлению государством, а на опустевшее место поставить малолетнего царевича Дмитрия и после скоропалительного ареста немалого семейства Нагих себя самого учредить первым лицом нового царствования.

Он действует опрометчиво, открыто, не сообразив заpastись надежным прикрытием, как действует удивительно осторожный и подлый проходимец Борис Годунов, и потому тотчас возбуждает против себя остальных претендентов на власть. В пользу царевича Федора спешит подать свой достаточно веский родственный голос Мстиславский, первый боярин в земской Думе и почти прямая родня, его безусловно поддерживает Захарьин-Юрьев, за него ратуют Шуйские, поскольку им всем крайне невозможно и стыдно стать под отпрыска каких-то Нагих, стало быть, снова в тени. Вероятно, но мысленно с ними таится и Борис Годунов, о котором ни один документ не находит возможным сказать, с кем он был в те часы, что делал, кого поддерживал, кого предавал, о чем говорил. Арест Нагих ему так же на руку, как он на руку земским боярам. Для Захарьина-Юрьева и Мстиславского это желанный предлог для того, чтобы начать, наконец, расправу с опричниками. Того же восемнадцатого марта, не дожидаясь исхода дня, вслед за Нагими обвиняют в измене, хватают, заключают под стражу, видимо, годуновскую, поскольку другой стражи в Кремле все еще нет, многих других розозеев по одному подозрению в приверженности к младенцу и самых ненавистных помощников и сподвижников Иоанна, заточают в темницы, распикивают по дальним городкам и монастырям, их хоромы, не мешкая, разоряют и грабят с завидным усердием, поместья и вотчины определяют в раздачу верным сторонникам, в которых всегда нуждается новая, тем более не совсем или вовсе не законная власть. Таким образом, руководители земства тоже совершают, но свою собственную, роковую ошибку. Они начинают ломать опричное управление, которое установило твердый порядок на обширной территории от Москвы до берегов Белого моря, во-вторых, они заточают в темницы опричных служилых людей и тем подрывают боеспособность опричного войска, единственный крепкий щит на открытых всем нашествиям рубежах Московского царства.

Стремительно избавившись от Нагих, составляют указ о восшествии на престол царя и великого князя Феодора Иоанновича, в котором беззастенчиво лгут о естественной кончине убиенного государя. Остается продолжить сочинение удобной легенды и назвать тех, кого Иоанн будто бы сам избрал править при его сыне. Пытаются составить опекунский совет, чтобы поделить власть без обиды, однако не в состоянии договориться между собой хотя бы на час или два. Возле еще не остывшего тела кипит ожесточенная схватка. Наскоро объединяются по родству, по интересам, по случаю. Первый опекунский совет составляется из главных земских бояр Ивана Мстиславского и Никиты Захарьина-Юрьева, которым когда-то, очень давно, лет двадцать назад, Иоанн действительно завещал опекунство. Кажется, только эти двое обладают самым надежным, самым бесспорным правом

пестовать, опекать, руководить и вертеть. Они родовиты. Они распоряжаются в Думе. За ними земство стоит. Никита Романович приходится дядей только что провозглашенному царю и великому князю, Иван Федорович двоюродный брат. Кому, как не этим двоим, становиться, в сущности, оставаться первыми лицами Московского царства?

Не тут-то было. Видимо, такое объединение не нравится даже самому Никите Романовичу. Мало того, что Иван Федорович приглуловат и ленив, у него нелестная репутация вечного изменника, перебежчика, наводчика татар на Москву, на него положиться нельзя, кто угодно и чем угодно может его соблазнить, хоть английский шпион, которому он вываливал всю подноготную, единственно ради того, чтобы важность свою, значенье свое показать, он любого и каждого не то что за копейку, а и без копейки предаст. На какое-то очень короткое время Никита Романович объявляет на своей стороне Ивана Петровича Шуйского, и уже со всех сторон говорят, будто именно этих славных бояр грозный царь Иоанн перед последним вздохом назвал опекунами царевича. Затем обнаруживается, что назвал-то он Федора Шуйского и все тех же Ивана Мстиславского и Никиту Захарьина-Юрьева, а Иван-то Петрович, боевой воевода, сам по себе. Правда, Кремль занят не их родней, не их служилыми людьми, и командуют в Кремле не они, а это довод более убедительный, посильнее места в Думе, родства и прочих, тем более переходящих заслуг. Борис Годунов это знал, и приходится под бдительным оком пушкарей и стрельцов с зажженными фитилями принять в опекунский совет сначала Богдана Бельского, у которого как-никак вся служба ссыска и опричная Дума в руках, потом, вероятно, без особого удовольствия его готового к предательству дружка Годунова, шурина, брата царицы, люди которого держат на запоре ворота Кремля.

Не успевают договориться о совете пятерых, как обнаруживается, что такой совет невозможен, что соединение столь разнородных людей противоречит всем свычаям и обычаям седой старины, в особенности противоречит жизненным интересам как опричных, так и земских людей: земские жаждут мести и передела опричных земель, опричные страшатся мести и крепко держатся за выслуженные в опричнине земли, им помириться нельзя. Как только более или менее утрясается этот разнохарактерный, сборный опекунский совет, выясняется при первом же обсуждении насущно необходимых постановлений, что ни Иван Мстиславский из Гедиминовичей, ни Никита Захарьин-Юрьев из старозаветных московских бояр еще вчера под суровым оком царя Иоанна и соглашались, и рядом сидели, а нынче при еще неостывшем теле монаха Ионы уже не только не способны в чем-либо согласиться с опричными, к тому же хитроудными выскочками Бельским и Годуновым, но и рядом с ними не в силах сидеть: земские обыды, боярская спесь не дают, а Шуйские, истые Рюриковичи, и видеть их не хотят.

Согласия на одно то достает, чтобы наутро торжественно возгласить всему православному люду о благополучном воцарении Феодора Иоанновича, разослать грамоты по церквям и обителям, чтобы творили молитвы о душе новопреставленного Иоанна, в иночестве Ионы, и о здравии нового царя и великого князя, отрядить царских прислужников, которым надлежит привести к присяге города и селения, да, не теряя минуты драгоценного времени, распорядиться сослать в удельный Углич царевича Дмитрия вместе со всем им ненавистным семейством Нагих, причем внезапно составленный опекунский совет старательно соблюдает видимость должного уважения царскому сыну, дает ни за что ни про что попавшему в опалу царевичу положенных по рангу стольников, стряпчих, служилых людей и стрельцов для охраны, а добросердечный Федор, невинный и добрый, обливается горячими слезами, прощаясь с им преданным, безвинно страдающим братцем, вместо того чтобы топнуть ногой и оставить его при себе.

По всей видимости, из Москвы выпроваживая поспешно Нагих, старшие бояре надеются, что в удельный Углич вместе с царевичем Дмитрием удалится в сопровождении своих служилых людей и его счастливый наставник Богдан, только что громко похвалившийся назначением на должность грамотой самого Иоанна. Надежды их не оправдываются. Воспитанник уезжает, воспитатель остается в Москве и в Кремле, больше того, его люди и люди Бориса Годунова по-прежнему владеют царским дворцом и Кремлем, а стало быть, держат под стражей и царя, и великого князя, и опекунский совет, и арестованную казну, предъявляют с помощью заряженных пищалей и пушек свои исключительные права на верховную власть.

Убедившись, что негодяев не выкурить хитростью, старшие бояре, используя свои преимущества, так же молча и споро овладевают пока что бесхозной Москвой, на площади выкатывают тяжелые осадные пушки, их служилые люди из земства занимают все въезды и выезды из Москвы, а по застывшему в недоумении городу расползаются зловредные слухи, будто Бельский, отравив царя Иоанна, тем же ужасным злодейством замысливает известить царя Федора, умертвить всех первых бояр и не то самому занять царский стол, не то возвести на него Годунова. Имеются некоторые основания предположить, что эти мятежные слухи распространяют сторонники Ивана Петровича Шуйского, славного воина и простофили в делах государства, либо получившие достоверные сведения о преступлении Бельского, либо по внушению подлого Годунова. Во всяком случае, именно его люди, рязанские дворяне Ляпуновы и Кикины, подбивают московский люд, пострадавший под властью бояр, как земских, так и опричных, подняться на помощь, на спасение законного государя и двинуться всем скопом на Кремль. Видимо, в сговоре с ними в самом Кремле Петр Головин, казначей в земстве, вдруг вспоминает свою родословную и объявляет, что именно ему, а не Бельскому надлежит состоять в опекунском совете. Заваривается еще одна обычная боярская свара, усиленная тем, что Головин земец, а Бельский опричник. Как по команде на сторону Головина в мгновение ока встают в боевую позицию Иван Федорович и сын его Федор, Никита Романович, Шуйские, Голицыны, Романовы, Шереметевы, Головины и «иные советники», а на сторону Бельского, тоже в боевую позицию, встают Годуновы, Трубецкие, Щелкаловы и тоже «иные советники». Земцы бросаются на Бельского с остервенением, пытаются убить его до смерти, тут же, на месте, в Кремле. Бельский изворачивается и скрывается в покоях царицы. Перепуганный царь соглашается приставить стражу ко всем воротам Кремля, как повелось во времена покойного государя. Исполняя его державную волю, его царским именем Бельский сулит стрельцам за их верную службу великое жалованье и сохранение тех преимуществ и привилегий, которые им даровал грозный царь Иоанн, учредивший стрелецкое войско, то есть рубль в год, шапку, сапоги и оружие. Эти меры приняты как нельзя более кстати. Новому царю предстоит принять посольство польского короля, которое Иоанн предполагал принять в ближайшие дни, но не успел. Посольство важное, оно прибыло, чтобы утвердить перемирие, заключенное в Яме Запольском и спасшее под Псковом от полной гибели разноплеменных наемников Стефана Батория. По этому поводу заваривается новая свара. Кто встанет рядом с царем на глазах всей Европы, тот и будет считаться первым лицом. На этот раз не успевают добраться до боярских бород и подражаться на кулаках. Задобренные Бельским стрельцы вытесняют из Кремля земских опекунов, их сторонников и служилых людей и затворяют ворота, за которыми кипит и клочечет все прибывающий московский народ. Раскаленные добела страсти до того туманят головы жаждущих власти людей, что все забывают про интересы Московского царства, о которых и прежде думали редко, чаще всего под грозным окриком великого государя. В интересах Московского царства польских послов дол-

жен бы был принимать Афанасий Нагой, за многие годы дипломатической службы проникший в тайны этого сложнейшего ремесла, а принимают, в результате многосложных уступок, Федор Трубечкой, свойственник Никиты Романовича, и Борис Годунов, завещательный друг того же Никиты Романовича, еще в первый раз увидевшие перед собой иноземных послов. Само собой разумеется, прием проходит беспутно, формально, лишь бы сбыть дело с рук. Послов выпроваживают с неприличной поспешностью, указав ожидать, когда будет назначено время настоящих переговоров. За их спинами сразу затворяют ворота Кремля.

Изгнанные, оскорбленные и униженные Иван Федорович и Никита Романович, собрав земцев, оказавшихся под рукой, бросаются в Кремль. Их не пропускают стрельцы, только что выбросившие их за ворота. Первые земские думцы кричат, грозят, обещают опалы и казни. Наконец их впускают, но их вооруженных людей все-таки оставляют снаружи. Их вооруженные люди пытаются ворваться в Кремль силой. В воротах дерутся, но все-таки поле боя остается за Бельским. Земцы всем скопом вываливаются на площадь и вопят против Бельского. Кто-то выскакивает от кремлевских ворот, скачет по площади и вопит, что земцы побивают бояр Годуновых. Заваривается и вовсе несусветная чушь. На взволнованные призывы поднимаются несколько тысяч ошеломленных торговых людей и ремесленников, городской бедноты и нищего сброда, врываются в арсенал, вооружаются чем ни попало, одни тут же учиняют повальный грабеж в торговых рядах и домах, другие захватывают тяжелые осадные пушки, уже поставленные в нужных местах, выдвигают Царь-пушку против Спасских ворот, ворота силятся изрубить топорами и выбить, в общей свалке погибает человек двадцать, около ста получают ранения. Царский Кремль внезапно оказывается в плотной осаде Москвы.

Царский Кремль охраняют служилые люди, стрельцы и опричники, верные Бельскому и Годунову. Они могут оборонять его долго, ведь Кремль — неприступная крепость. Однако задуманное возвышение заговорщиков разрушается трусостью Бельского. Перепуганный насмерть, схоронившись в спальных покоях царицы Ирины, он оставляет на произвол судьбы товарища и соучастника по убийству грозного царя Иоанна. Годунов, убоясь, что народ растерзает его, бросается к сестре. Ирина, супруга царя и верная помощница брата, наставляет малоумного Федора, и послушный ей Федор высылает к мятежникам опричного дворянина Михайлу Безнина и дьяка Щелкалова, которым тоже очень хочется остаться при власти, если не на первых ролях, так хоть на вторых и на третьих. Народ встречает депутацию открытой враждой и вопит, «ругая вельмож изменниками и ворами», что соответствует истине. Известный дьяк, верный слуга грозного царя Иоанна, вопрошает возбужденный народ: что, мол, надобно, православные, что подвигло вас против батюшки-царя бунтовать. Из толпы отвечают те, кому следует отвечать:

— Бельского нам отдай! Он злодей, он мыслит извести царский корень и все боярские роды. Бельского выдайте нам на суд и расправу, а мы за батюшку-царя! И тысячи луженых глоток вопят:

— Бельского! Бельского!

Безнин и Щелкалов, сделав вид, что устрашаются кровопролития, и действительно устранившись за свою жизнь, вступают в переговоры с мятежниками, обещают им правосудие и склоняют доверчивых горожан разойтись по домам. О правосудии, конечно, никто и не думает, расследования не производят, не спрашивают ни Биркина, ни Горсея, ни слуг, которые присутствовали при последних минутах великого государя, ведь народ взбунтовали единственно ради того, чтобы неудобного человека выкурить из Кремля, и неудобного человека выкуривают под благовидным предлогом спасения его собственной шкуры от разъяренной толпы. Прямо из царицыной спальни Богдана Бельского отправляют в

Нижний Новгород на воеводство, а Борис Годунов и на этот раз выходит сухим из воды, вовремя делает шаг на попятную, не обвиненный, не обличенный никем, сообразивший мирно и скромно переждать кутерьму, не лезть на глаза, не мешать расправляться со своим приглуповатым, неосторожным соучастником цареубийства. Опричные и земские бояре и служилые люди в страхе перед взбунтовавшейся чернью временно примиряются и действуют сообща. Они чувствуют одинаково остро, что могут не нынче так завтра стать жертвой этой безжалостной, ожесточенной толпы, ненавидящей их как угнетателей и волков, и видят спасение в том, чтобы укрепить свою власть поддержкой всего Московского царства. Чью власть? Власть бояр и князей! Смиренные, запуганные, отученные от боярского своеволия твердой рукой Иоанна, они вдруг видят перед собой не грозного властителя, с опалой, с темницей, с топором палача, а последыша на слобных ногах, не способного стоять без поддержки. Страх перед прежним царем излечивает их от страха перед новым царем. Они вдруг прозревают: их час настал. Не присягать царю, поставленному над ними законом первородства, а поставить царя своей волей, как в старинные времена, когда они признавали над собой того, кого хотели признать. По их призыву в Москву собираются именитые люди и духовенство. Четвертого мая этот наскоро сколоченный земский собор умоляет Федора, уже признанного царем, венчаться на царство. В ответ Федор изъявляет согласие. Таким образом, он должен занять прародительский стол не столько по праву наследования, сколько по волеизъявлению своих подручных князей и бояр. Отныне ему предстоит править так, как они укажут ему. По словам современника, который уже тогда уразумел суть затеянного подручными князьями и боярами представления: царь Федор поставлен на царство «митрополитом Дионисием и всеми людьми Русские земли».

Глава четвертая ВЕНЧАНИЕ НА ЦАРСТВО

День венчания, тридцать первого мая, начинается скверно, точно предупреждение, что новое царствование станет беспокойным и темным. Над Москвой разражается буря. С черного неба падают длинные молнии. Гремит обвалами гром. Ливень хлещет словно потоп. По обезлюдевшим улицам мчатся потоки воды.

Не сразу, после грозы, празднично настроенный, празднично одетый народ заполняет площадь перед палатами царя и царицы. Сквозь толпу, раздвинутую стрельцами, царь в небесно-голубом одеянии направляется в Успенский собор. Следом за ним подручные князья и бояре в золоте, алмазах и жемчугах. Собор устлан персидскими коврами, английскими красными сукнами и бархатными дорожками. Царь и митрополит садятся у западных врат. Совершается торжественное богослужение, под звон колоколов и пение церковного хора Феодора Иоанновича провозглашают московским царем. В полной тишине он обращается к Дионисию:

— Владыко! Родитель наш, самодержец Иоанн Васильевич оставил земное царство и, приняв ангельский образ, отошел на Царство Небесное, а нас благословил державой и всеми хоругвями государства, нам велел, согласно с древним уставом, помазаться и венчаться царским венцом, диадемой и святыми бармами. Его завещание известно нашим молеельщикам, боярам и всем православным. Итак, по воле Божией, по благословению отца нашего, соверши священный обряд, да буду царь и помазанник.

Митрополит Дионисий, осенив его Животворящим Крестом, отвечает торжественно и нараспев:

— Господин, возлюбленный сын церкви и нашего смирения, Богом избранный

и Богом на престол возведенный, данной мне благодатью от Святого Духа помазую и венчаю тебя, да именуешься самодержцем Русской земли.

Он возлагает на блаженного Федора тяжкие знаки царя и великого князя, единоподержавного владыки Московского царства, поучает беречь Русскую землю и православную веру, хранить повиновение святителям, соблюдать искреннее дружество к брату, уважение к боярам, милость к служилым людям и ко всем православным, заканчивает:

— Цари нам вместо Бога, Господь вручает им судьбы человеческого рода, да блюдут не только себя, но и других от зла, да спасают от треволения мир, да страшатся серпа Небесного. Как без солнца мрак и тьма господствуют на земле, так и без учения темно в душах. Будь же любомудр и следуй мудрым. Будь добродетелен, ибо едина добродетель украшает царя, едина добродетель бессмертна. Хочешь ли благоволения Небесного — благоволи о подданных. Не слушай злых клеветников, да цветет во дни твоя правда, да придет к покою отечество. Тогда возвысит Господь твою десницу над всеми врагами, и будет царство твое мирно и вечно из рода в род.

Верующие восклицают привычно:

— Многие лета будет и будет!

Федор уже утомлен и едва стоит на ногах. С трудом выслушивает он литургию, покорно подставляет голову под Мономахову шапку, сгибает шею под Мономахову цепь, машинально принимает знаки самодержавной власти, которой его только что лишили подручные князья и бояре, на краткий миг своего торжества сумевшие сговориться между собой. Пирь, веселье, забавы продолжаются под гром медных пушек неделю.

Наконец, отвеселившись, отпировав, отпраздновав, но не столько воцарение царя Федора, сколько свою победу над единовластием, железным обручем, сплотившим разрозненные русские земли, подручные князья и бояре спешат, не откладывая и с пеной у рта, пожать ее плоды. Боус, английский посол, свидетельствует:

«Сын покойного царя Федор и те советники, которые были достойны управлять, не имеют никакой власти, да и не смеют пытаться властвовать...»

Власть достается тем, кто не отмечен заслугами в трудах и боях. Дьяк Тимофеев свидетельствует:

«Бояре долго не могли поверить, что царя Ивана более нет в живых. Когда же они поняли, что это не во сне, а действительно случилось, через малое время многие из первых благородных вельмож, чьи пути были сомнительны, помазав благоухающим миром свои седины, с гордостью оделись великолепно и, как молодые, начали поступать по своей воле; как орлы, они с этим обновлением и временной переменей вновь переживали свою юность и, пренебрегая оставшимся после царя сыном Федором, считали, как будто и нет его...»

В первую очередь они получают от него полное прощение всем пострадавшим во время опричнины от тяжелой длани грозного царя Иоанна, не позволявшего стяжателям и смутьянам «поступать по своей воле»: им возвращаются поместья, переданные Иоанном своим людям не за род, а за службу, и свобода служить кому вздумают и когда захотят. Разумеется, это акт милосердия, однако этот акт милосердия слишком дорого обходится Московскому царству. Из опалы и ссылки, из монастырской тюрьмы возвращаются сотни родовитых князей и бояр, заслуживших или не заслуживших свое наказание, однако куда они возвращаются? Их вотчины, родовые, наследственные, конфискованы, как только что конфискованы вотчины самого себя перехитрившего Бельского и несчастных Нагих, переданные в свое время опричным князьям и боярам и полученные ими в награду за верную службу царю и отечеству. Теперь, получив свободу служить кому вздумают и

когда захотят, они вместе с ней получают обратно свои вотчины, а новых, опричных, владельцев гонят вон. Собственно, прощение получают и все земские князья и бояре, у которых отобрали их родовые вотчины в центре Московского царства в обмен на равноценные, но не родовые вотчины на западных, юго-западных и южных окраинах. И они, получив прощение, также забирают свои старинные вотчины, а новых, опричных, владельцев из них изгоняют. Начинается, как двадцать лет назад, еще одно великое переселение, и это, как и двадцать лет назад, переселение не только нескольких сотен как родовитых, так и выслужившихся князей и бояр, но переселение вместе с ними десятков тысяч холопов и служилых людей, из которых составлялось опричное войско. Куда переселяются эти несколько сотен выслужившихся князей и бояр, несколько десятков тысяч холопов и несколько десятков тысяч служилых людей, из которых составлялось прежде победоносное опричное войско? Победители во многих осадах и стычках в Ливонии, овеянные славой разгрома крымских татар при битве на Лопасне, достойной стоять в одном ряду с битвой на Куликовом поле, оскорбленные и озлобленные, они переселяются в окрестности Калуги и Тулы, Козельска и Воротынска, Кременеска и Лихвина, Медыни и Мезецка, Мосальска и Опалова городища, Серпейска и Перемышля, Карачева и Алексина, Болхова и Белева, Деделкина и Крапивны, Мценска и Новосила, Одоева, Тарусы и Черни. Таким образом, в и без того зыбкую, не успевшую устояться и затвердеть почву общественных отношений бросаются семена мятежей, а заодно окончательно разрушается хорошо организованное, дисциплинированное, сплоченное войско, уже готовое перерасти в регулярную армию.

Тут же подручные князья и бояре разрушают систему управления, созданную грозным царем Иоанном, и возвращаются к старой, давно прогнившей, ненавистной народу системе управления удельных времен. В свое время не успел митрополит Макарий помазать на царство великого князя Ивана Васильевича, на его имя из всех городов, селений, волостей и самых дальних углов сплошным потоком потекли челобитья с одной единственной просьбой — убрать наместников, воров и мздоимцев, которые в грабеже и насилии ненасытны пуще волков. Ради успокоения и благополучия подданных царь наместников, которые бесконтрольно кормились от подвластного им населения, отозвал и заменил их воеводами, а в черносошных землях — земскими старостами, которые избирались самим населением, то есть торговыми людьми, ремесленниками, землепашцами, звероловами и рыбаками, и таким образом возродил самоуправление общин, издревле бытовавшее на Русской земле. Теперь подручные князья и бояре именем царя Федора возвращают на место воевод и земских старост наместников с дорогим их сердцу кормлением, то есть с мздоимством, произволом и грабежом, а заодно освобождают сами себя от какой-либо ответственности, запретив судьям преследование должностных лиц, на каком бы месте они ни сидели, при отсутствии основательных доказательств их вины, даже в случае самых тяжких с их стороны преступлений, которые влекли бы за собой смертную казнь, не сознавая, конечно, что в и без того зыбкую, не успевшую устояться и затвердеть почву общественных отношений собственными руками бросают новые семена мятежей.

Еще один тяжкий грех числится за грозным царем Иоанном: он поднял руку на местничество, на святая святых, уничтожив его, правда, только в опричнине и в опричной Думе, оставив родовые счета о местах анархической земщине и земской Думе. Подручные князья и бояре снова объединяют обе Думы в одну и усиливают ее возвращением былых привилегий. Ими восстанавливается должность конюшего, высшая в Думе, и пресловутая семибоярщина, которая замещает царя в столице и в царстве во время его отсутствия или болезни. Они щедро сыплют боярский чин своим сторонникам и подручникам, увеличив состав Думы чуть ли

не вдвое, возвращаются к местничеству и, не стесняясь присутствия царя Федора, на заседаниях Думы, с новой яростью плюют друг другу в лицо, рвут друг у друга бесценные бороды и ходят род на род в рукопашную, и этим бешенством тоже сея семена мятежей.

Восстановив и укрепив свою власть, подручные князья и бояре принимаются, как в блаженные для них времена Иоаннова малолетства, за бесчинства и грабежи. Они захватывают земли, главную ценность не одного того времени. Бывало, никто из них не осмеливался явиться к Грозному и просить хотя бы полушку, не имея на то заслуг в трудах и боях. Нынче они окружают трон сворой голодных псов и бьют челом: пожалуй, батюшка, царь, животишко совсем оскудел. И Федор жалуется, взирая не на заслуги в трудах и боях, а на лица: дяде — дядино, шурину — шуриново и так далее, до седьмой воды на киселе. Одно из первых мест, натурально, принадлежит Никите Романовичу и его сыновьям. Неизвестно и уже никогда не станет известно, сколько добра нахапала родная семейка. Известно только, что Захарьины-Юрьевы получают в вотчину Скопин, Романово городище в Лебедянском уезде и кое-какие благодати помельче, а младший Иван обретает 13 000 четвертей пашни в трех полях «старых вотчин». Крупный ломоть отхватывает Иван Петрович Шуйский. Царь жалуется его своим «великим жалованьем в кормление Псковом объема половинам, и со псковскими пригороды, и с тамгою, и с кабаки, чего некоторому боярину не даывал государь», а также богатейшие земли в Луховском удельном княжестве, прежде бывшие в вотчине князей Бельских, город Кинешма со всей волостью. Федор Скопин, его сослуживец, получает в «жалованье» Каргополь. Неизвестно, сколько удается урвать князьям Шуйским, известно только, что Дмитрию дан Гороховец «в путь с тамгою, и с кабаком, и с мыты, и с перевозки, и с мельницами, и рыбными ловлями, и со всеми крайчаго пути доходы».

Но самым главным, самым неукротимым стяжателем оказывается, само собой разумеется, Борис Годунов. Царь нарекает его конюшим ближним великим боярином, наместником царств Казанского и Астраханского, владельцем многих лучших земель и поместий, ему даруются доходы с богатейших Важской и Двинской волостей, прежде управлявшихся вольными старостами, тучные покосы по берегам реки Москвы с лесами и пчельниками, казенные сборы, сверх жалованья живыми деньгами, с Московского, Рязанского и Северского уездов, что вместе с прежними доходами от сборов в Дорогобуже и Вязьме делает его таким богачом среди подручных князей и бояр, каких ни один из них не видел себя и во сне, и тем становится им всем в высшей степени ненавистным, вплоть до общей жажды его известия.

Нахватав вотчин тех, кого успели изгнать и сослать, новые владельцы спешат увеличить доход. При Грозном, когда землепашец приходил к владельцу земли и просил в пользование и пашню, и кровлю, и ссуду, владелец и землепашец составляли как равный с равным послушную грамоту, которая определяла права владельца земли и обязанности работавшего на ней землепашца. До середины века его обязанности считаются по обычаю, четверть или треть урожая, но не более половины:

«И вы б приходили и слушали его во всем и доход бы денежный и хлебный и мелкий доход давали по старине, как давали доход наперед сего прежним помещикам...»

Если владелец земли нарушал обычай и пытался нарушить договор и пробовал увеличить «доход денежный и хлебный и мелкий доход», землепашец имел право, порвав договор аренды земли, уйти от него в Юрьев день, натурально, уплатив все долги; если не было чем уплатить, нередко уходил без уплаты в любой другой день, а владелец земли получал право искать его по всему Московскому царству и

водворять на прежнее место давать тот же, а не больший «доход денежный и хлебный и мелкий доход».

Однако уже к середине века счет по обычаю понемногу стал прекращаться, в первую очередь в земщине, которую Грозный не контролировал, но следующий шаг в использовании труда землепашца владельцы земли все-таки делали скрытно, по умолчанию, тем, что рядом с оброком вводили барщину, которая давала товары для европейского рынка:

«И вы б приказчика слушали и пашню его пахали, где тебе учинит, и оброк платили...»

Теперь, к концу века, при Федоре, потеряв страх опалы и казни, подручные князя и бояре придумывают составлять послушные грамоты не с отдельным землепашцем, как прежде, а с общиной, в надежде, что община землепашца не выпустит, свяжет его по рукам и ногам, и в отношении общины вводится полнейший произвол, не ведая, что своим своеволием, своей жадностью сеют новые семена мятежа:

«И вы б все крестьяне, которые в том селе живут, слушали, а пашню пахали и оброк платили, чем вас изборочит...»

Натурально, связать по рукам и ногам всех и каждого общине не удастся, землепашцы, не желая и барскую пашню пахать, и оброк вносить, бегут и от новых владельцев, потоком устремляясь на вольные земли, где не водится ни бояр, ни помещиков, чаще все туда же — в верховья Оки и на Дон, реже на Север, на Каму, на Волгу, в Сибирь.